

КЕЙТ АДДЕРЛИ

Наша любовь –
вечная гонка

ОПАСНАЯ зависимость

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кейт Аддерли

Опасная зависимость

<https://litres.ru/73947024>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алика Хеймсон

Предательство – это то, что нельзя прощать. В жизни Карраса ничего не изменилось, а у меня мир перевернулся без него. Я провела целый год в стокгольмской клинике, восстанавливаясь после аварии, в то время, как Алекс позабыл обо мне и завел новые отношения. Вот оказывается, как одни люди быстро забывают других.

Что такого могло случиться, заслужив я холод?

Алекс Каррас

Она встречается со мной, обещает всегда любить и вскоре выйти за меня. А после, как ни в чем не бывало, сжигает между нами последний мост – возвращает мне кольцо и через несколько месяцев мечта всей моей жизни во всем белом идет с обезоруживающей счастливой улыбкой под венец с лучшим другом – бедолагой из Бронкса.

Как после всего, что мы пережили, можно швырнуть мне в лицо: «Я выхожу замуж»?

Содержание

Плейлист	4
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	51
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Опасная зависимость

Плейлист

Ultraviolet – Freya Ridings

Fantasy – Into You

GLEAM – VERTYGO

I Miss You – Adele

Name My Price – Lithe

Don't Mind Me – Walking On Cars

Tear Me Down – Joyner Lucas, Ava Max

The Island (Radio Edit) – Pendulum

Darkness in Me – Fight The Fade

Danza Kuduro – Lucenzo feat. Don Omar

Глава 1

Алика

П пульсирующая боль со взрывающимися фейерверками в голове. Я открываю рот, прикладываю пальцы к вискам и морщусь, жалея о действиях. Твою мать! Невыносимо выдерживать хлопнушки, разрывающие тело.

Перед собой я размыто вижу маму. Она красивая, как и всегда. По-другому быть не может. Ее смазанный силуэт успокаивает меня.

— Алика...

Ладонь сама тянется к маме. Женщина садится передо мной на корточки. Я так хочу, чтобы она коснулась меня, сказала хоть что-то. Не получаю ничего. Ее молчание длится достаточно долго, чтобы устать от тишины. Чувствую, она хочет что-то сказать, но не решается.

Я тщетно пытаюсь вспомнить, что натворила.

Память возвращается только под ночь, когда след мамы простывает в моей палате. Я перерыла в своей голове все возможное, прежде чем дойти до последнего эпизода сознательной жизни.

Уличная гонка. Удары. Запах железа.

Глотаю слезы, когда вспоминаю картинки.

Где Алекс?! Что с ним?

С трудом дотягиваюсь до кнопки вызова медицинского

персонала. Ожидание длится вечность. Когда в палату врываются врач и молоденькие медсестры, меня уже не остановить. Я бью ладонями по простыни, игнорируя судороги, вызывающие боль, кричу, чтобы позвали маму, удивляясь тому, как прорезается мой голос.

Сколько я нахожусь в клинике? День? Неделю? Месяц?

— Алекс! — вою, не в силах совладать с собой.

Больше никогда не позволю себе эту слабость.

Мою истерику успокаивают лошадиной дозой вколотого снотворного, из-за чего я проваливаюсь в глубокий сон.

Утро следующего дня проходит на отходняках.

Всю неделю я мало двигаюсь, изредка перемещаясь по палате. Мама больше не приходит, отца не помню, когда видела в последний раз. Он ни разу не появился с момента моего заточения в раздражающих стерильных стенах, как и моя сестра Катрина. Сколько я здесь нахожусь неизвестно, но, если судить по выпавшему снегу, не менее нескольких месяцев длится мое заточение в палате с раздражающими белыми стенами. По идее белоснежные стены палаты должны успокаивать тех, кто проходит лечение, а вызывают одну лишь злость.

Меня знобит от снегопада, который я наблюдаю за панораменными окнами.

От одиночества лезут гадкие мысли.

Касаюсь стекла и думаю: «Смогу ли его разбить? Хватит ли сил»?

Второй этаж – рискованное дело. Вряд ли я выживу. Но... Что, если все же попробовать? Дикий вопрос, от которого мне самой не по себе.

Я оглядываюсь в поисках чего-то, чем можно вызволить себя из медикаментозной клетки. Устала от такой жизни! Сколько можно отлеживать себе бока? У меня тело болит от пичканья таблетками, малоподвижного образа жизни и скуки. Не с кем даже поговорить!

Подруга бы мне не помешала скрасить однообразные будни.

На мои вопросы персонал отказывается давать ответы. Больше не пытаюсь закатить истерику, зная, чем она закончится – отключкой моего сознания. Проходила, знаю.

Техника здесь строго запрещена. Я предпринимала попытки найти в карманах медсестер хоть что-то, обнаруживала пустоту. Умоляла их дать мне возможность сделать звонок, немилосердные сестры наотрез отказывались.

Выйти в окно? И все же задуманное мной – не выход.

Ровно в три раздается приятная мелодия – сигнал, оповещающий об обеде.

Интересно, что будет, если пропустить? В палату ворвутся врачи с оружием и заставят есть овощную похлебку под дулом пистолета? Не больница, а каторга! Уверена, мои родители заплатили приличные деньги, чтобы определить меня на лечение. Судя по ценнику, сюда мечтают попасть многие. А я мечтаю лишь об одном – найти человека, благода-

ря которому я узнаю ответы на свои вопросы, а после сбегу. *Никогда еще свобода не была мне так дорога.*

В детстве мама часто читала мне сказку про принцессу, заточенную в башне. Ее охраняли драконы. «Страшные на вид, но добрые внутри», — любила говорить Вел. На мой вопрос *почему*, мама делилась своими предположениями: «Они желают своей девочке только лучшего, поэтому так тщательно оберегают принцессу. Чтобы она не досталась недостойному ее козлу (уже тише ругалась себе под нос Вел)».

Тогда я еще не знала, что детская сказка будет воплощением моей взрослой жизни. Принцесса в заточении — я, драконы — мои родители. Принц только затерялся... Согласно банальной концовке я ждала именно его. *Где же он?*

По всей вероятности, надеяться мне пока остается только на себя.

В клинике кормили хорошо. Из немногoго, что мне здесь нравилось — это еда и доброжелательность кухонного персонала, одна девушка особенно тепло ко мне относилась — сегодня я увидела ее впервые. Много времени не понадобилось, чтобы почувствовать связь с ней и уловить намек на наши дальнейшие отношения.

— Алика, здравствуй.

Первое, что я подумала, стоило поднять голову в сторону голоса говорившей, *она точно настоящая?* Кукла, не живой человек. С ходу не определишь точное количество лет, но предполагаю, красotka с большими зелеными глазами и фар-

фарфоровой кожей моего возраста. Она пристально въедается в меня взглядом, не планируя отпустить.

— Знакомы?

Два ярких янтарных огня сканируют меня, а зловещая улыбка вызывает ужас.

— Эльза, доктор Харис ждет тебя. — Прерывает нас одна из женщин в синей форме с вышитой надписью на груди «Каролинская университетская больница». Ее зовут Бо, она следит за порядком здесь четыре раза в неделю – я предпочитаю не упускать из виду детали, помогающие ориентироваться во времени и пространстве. Порядок в голове способствует окончательно не потерять рассудок.

Каролинская университетская больница. Стокгольм, Швеция. Вот куда родители поместили меня, на другой континент, подальше от привычной жизни и человека, по которому тоскует мое сердце. Откуда знаю точное местоположение клиники? Моя дальняя родственница по отцу проходила тут лечение. И здесь же померла... Надеюсь, похожая участь не настигнет меня в стенах столь ужасного заведения. Лучше умереть в отшибе, чем здесь!

Фарфоровая кукла с зелеными глазами? Эльза. Отчего-то она кажется мне знакомой. Скорее всего, мы уже пересекались здесь, но я не обращала на нее должного внимания. Что ей нужно от меня? Впервые за многие месяцы со мной заговорил не медицинский персонал, а обычный человек. Интересной внешности девушка вызвала во мне бурный интерес.

Хм, что было бы, если Бо не отвлекла ее? Эльза сказала бы что-то еще или ограничилась двумя словами и пленяющим взглядом?

Нахождение в Каролинской больнице стало намного легче после обеда сегодняшнего дня. Теперь мой мозг подпитывается не только депрессивными мыслями о том, что все родные бросили меня умирать. Появилась тайна в виде девушки-загадки, которую мне не терпится разгадать. Приятно думать о ком-то, помимо себя и собственного выживания.

Эльза придет на ужин? Она предпримет попытку вновь заговорить со мной при следующей встрече или останется безучастной, будто ничего не было? Что она хотела мне сказать? Просто познакомиться или сообщить о чем-то важном? Чутье нашептывает: «Все неспроста». И я верю. Безоговорочно верю интуиции, не разу не подводившей меня.

Вечером, перед сном, я привела себя в порядок: расчесала волосы и попыталась воспроизвести, как выгляжу. Пару раз в неделю санитары приносили мне зеркало, в их присутствии я мыла голову, расчесывалась и заплеталась. После этого зеркало уносилось и не появлялось в зоне доступности до следующего приема душа. Редко и мельком мне удавалось вспомнить, кто я такая, когда замечала свое отражение в опустошенных тарелках или в коридорах. Почему-то там зеркала не прятали, они не были запрещены.

Может, только в моей палате с номером шесть вводились строгие правила?

Собака на привязи.

Стокгольмская клиника наводила меня своими ограничениями на мысли о том, что я здесь на особом положении. Ни одна больница не будет прятать зеркала. И сегодня мне представился шанс в этом убедиться. Когда я шла с обеда случайно заметила в двух открытых палатах (там проводили уборку) на разных этажах телевизоры, зеркала, телефоны, чтобы связаться с персоналом. Очевидно, отношение ко мне здесь было другим.

Я пришла в комнату и разрыдалась. Тихо. Так, чтобы никто не слышал. Не думала, что остаться одной против всего мира, без родных, без поддержки – это так больно. Я любила утешать себя словами: «Раз это произошло, значит этот опыт мне нужен». Сейчас был неподходящий момент для разумных советов от себя же. Злость завладевала моим телом, отзываясь шумом в каждой клеточке тела. Я негодовала от несправедливости. Я ни за что бы не выбрала переживать то, что проживала. Никогда бы не выбрала одиночество. Никогда бы не выбрала справляться со всем самостоятельно.

В больнице я старалась не задавать вопросов. Молча подмечала, анализировала, возмущалась над логической цепочкой в своей голове, но рот держала на замке, не роняя ни слова. В Швеции у меня не было друзей, а значит никто не даст мне ответы – стоило не забывать.

Каждая моя догадка насчет места, в котором приходилось коротать дни, подтвердилась, когда я услышала глухой стук

в дверь. Такой тихий... Сначала показалось, что мне послышалось. Но звук повторился. Врачи и медицинские сестры всегда врывались без стука, не спрашивая о разрешении войти. Значит в гости пришел кто-то другой. Другая.

Я на цыпочках подкралась к двери. Прислушалась. Безмолвие отразилось эхом в моем колотящемся от переживаний сердце. Тишина не остановила меня, я опустила ручку и позволила двери открыться. На пороге стояла та самая девочка с фарфоровой кожей и большими глазами. Эльза что-то держала за спиной правой рукой. Указательный палец левой руки она держала у губ, намекая молчать. Я послушалась ее сделала шаг назад, позволила незнакомке пройти внутрь. Девушка подперла стулом дверь.

— Для безопасности. — Сообщила Эльза, не вызвав во мне ни грамм страха.

Отчего мне очень хотелось ей доверять. Может, от безысходности? Одиноким людям ведь нечего терять. А с Эльзой у меня появлялся шанс на что-то хорошее. Плохое не пугало меня, не страшно, если девчонка чокнется и сделает со мной что-то. Хуже, если я не доверюсь ей, упущу шанс на дружбу или минимум приятное тесное общение. Мне больше не хотелось быть одной. Хотелось знать, что в чужой стране у меня есть человек, которому небезразлична я и моя жизнь.

— Я Эльза. — Представляется девушка с моего позволения усаживаясь в блеклое кресло у входа. — Твоей комнате не хватает красок.

— Алика. — Мы произносим имена, будто нуждаемся в представлении друг друга, хотя на деле это не так. Пытаемся замаскировать нашу неловкость при первом общении. — Это больница, а не феерия красок. — Стараюсь говорить бодрее, веселее, выходит скупое, строго и немного грубо. Я разучилась по-человечески общаться с людьми.

— Эльза Моретти. Мой отец — итальянский мафиози, упекший меня в клинику за плохое поведение.

— Сбегала из дома? Нарушала закон «быть дома не позднее десяти»?

— Трахалась с двумя его противниками. Один засаживал мне, другой заставлял поглубже вбирать в рот его член. — Я багровею от подробностей, представляя картину происходящего. Эльза сумасшедшая! — Моретти застал нас и сослал меня лечить голову. Придурок! Терпеть не могу свою семью!

Что ж, у нас больше общего, чем я ожидала. Девушку насильно закрыли в больнице Швеции, она также, как и я, ненавидит своих предков. Может, это судьба встретиться нам здесь?

— Ты... Ты любила обоих мужчин, с которыми спала?

— Розовая акция. Хотела насолить отцу, подобрала время, когда он должен вернуться и соблазнила его врагов. Реакция была нечто. С большой радостью повторила бы, только бы еще раз посмотреть на лицо Моретти.

— Что с теми мужчинами?

— С вероятностью 99,9% отец их казнил. На месте противников я бы предпочла смерть, чем истязания от отца.

По описанию, отец Эльзы — страшный человек. Если ее использует физические методы наказания, мой не брезгует уничтожать морально. Хеймсон и Моретти подружились бы.

— Какими судьбами здесь ты?

Стоит Эльзе заговорить о моем прошлом, накатывают слезы. Ненавижу себя за эту реакцию, когда думаю о том, что было до Швеции.

— М... Я не помню.

— Провалы в памяти? — Улыбается она. Мне же не до шуток. Я действительно не помню многих подробностей.

Моретти хлопает глазами, прикусывает губу, стирая улыбку с лица. До нее доходит — я не шучу.

Прошлое, прошлое... Что я помню?

У Алекса был заезд, мы проиграли в схватке с судьбой, попали в аварию — машину крутило на 360 градусов. Жуткий запах приближающейся смерти проникал в ноздри и вызывал страх. Я не боялась разбиться, распрощаться с телом, меня тревожила потеря Карраса. Опасение воплотилось, стало явью, я потеряла парня, которого считала своей первой и последней любовью.

— Ты что-то вспомнила? — Едва слышный вопрос зарождает рой неприятных мурашек.

Я одновременно хочу все вспомнить и боюсь узнать правду о произошедшем.

— В ту ночь в Нью-Йорке я была не одна. Со мной был мой молодой человек, он участвовал в нелегальном заезде. — В горле образуется дерущий ком. Из-за него становится труднее говорить. — Мы попали в аварию, я отключилась. — Дальше непроглядная тьма. Не могу вспомнить. Кусок жизни оборван, на его месте черная дыра.

Девушка поднимается с кресла и подходит к окну. Снежинки медленно кружат в воздухе, напоминая о том, сколько времени я провела в чертовой клинике! Также медленно скоро и я начну сходить с ума.

— Давно ты здесь?

— Не помню.

— Когда тебя выпустят?

— Мои вопросы персонал высокомерно игнорирует.

— Как и мои. Мы бы с тобой подружились.

Я с неверием смотрю на Эльзу. Оторва и пай-девочка лучшие подружки? Большой ерунды в жизни не слышала!

Но в условиях изоляции я и не в то поверю.

— Подружились бы. Поверь. Я сама начала сходить с ума в больнице, поэтому и напросилась помощницей по кухне. Папа помог, дал добро.

Теперь понятно, как обычная пациентка лечебницы пополнила ряды персонала. Отец Эльзы хотя бы на связи с ней, пока мои забыли о существовании их старшей дочери. Предатели!

Эльза подходит ко мне и берет за руку. Огоньки в ее глазах

больше не горят, серьезность их тушит.

— Я пришла не просто так. У меня есть для тебя...

Дверь в замедленной съемке распаивается перед нами.

— Новость. — Проглатывая ком в горле, заканчивает Моретти, глядя в глаза появившейся на пороге мед. сестре.

Новость? О чем она говорит? Мы едва знакомы. Эльза что-то знает?

— Эльза Моретти, ваша палата находится этажом ниже.

— Высокая женщина с осиной талией сверлит нас обеих взглядом. Мне не по себе от присутствия нового человека в комнате. Она вызывает страх.

— У меня закончились тампоны. Решила пройтись по девчонкам и спросить. — Девушка с легкостью лжет, будто заранее готовилась к тому, что ее визит пойдет не по плану.

Эльза смотрит на меня.

— А, да. Я сейчас тебе дам.

Меня трясет из-за вранья и того, что приходится участвовать в сценке, устроенную Моретти. Крайний раз я обманывала отца, и то это было давно. Я убегаю в ванную и приношу девушке пачку средств личной гигиены.

«Улыбнись», — отдает приказы мозг.

Я еще сама не знаю, насколько нуждаюсь в Эльзе, и какую роль она сыграет в моей жизни.

— Девочки, если вам что-то понадобится, не стоит заниматься самовольничеством. Обратитесь к охране или дежурным сестрам, вам предоставят необходимое.

Мы послушно киваем, изображая из себя виноватых. Судя по Моретти, ей не в первой, как и мне, нарушать правила, а после делать кающееся личико. Нам верят или также делают вид.

Перед уходом Эльза шепчет, пока медсестра отвлекается на пациента, гуляющего по коридорам, отчитывая беднягу:

— В другой раз расскажу.

Другой раз выпадает не скоро. Около месяца нам не удастся состыковаться для встречи. Днем не вариант светить на всю клинику, что ко мне заходят гости — здесь это под запретом. Надежда оставалась на темное время суток, но и тут удача отворачивалась от нас. Практически весь месяц Моретти ставили в ночные смены делать заготовки и помогать на кухне. Пару раз у Эльзы получалось вырываться ко мне, но не везло — наши секундные встречи терпели крах. Персонал делал обход и заставал нас в самое неудачное время, даже когда Моретти пыталась прятаться в комнате.

Неудачи не преследовали нас бесконечно. Счастье смиловилось над нами и открыло руки для объятий.

— Я давно хотела тебе сказать. — Она неуверенно тербит черные волосы и сминает больничные брюки. — Не знаю, как ты к этому отнесешься.

Фразы Эльзы вызывают ступор. О чем она говорит?

Рука Моретти скользит в правый карман и достает откуда...

— Телефон?

Они же запрещены?!

— Откуда? — Я увидела, куда больше, чем железяку с сенсорным экраном. Я увидела надежду на связь с родными, внешним миром, которая даст ответы на вопросы, терзающие меня последние месяцы.

— Это мой сюрприз. С тобой хотят поговорить.

— Кто? — Первая мысль об Алексе. Меня греет, что он нашел способ связаться со мной.

— С тобой хочет поговорить твоя сестра.

Внутри что-то мгновенно опускается, когда я слышу не то имя. Алекс даже не пытался. *Катрина*? Моретти это серьезно? Мы с ней никогда не ладили и все же она единственная, кто нашла способ связаться со мной, пообщаться.

— Как Катрина вышла на тебя?

— Не трать время на раздумья. Сейчас это не важно. Лучше набери ее, она ждет.

Эльза передает мне телефон, а у меня пальцы на попадают по нужным цифрам. Я жутко волнуюсь. Моретти помогает мне со звонком.

— Ало? Алика? — На глаза наворачиваются слезы, стоит услышать голос сестры.

Я не верю в реальность происходящего. Этого не может быть! Я уже не верила, что у меня было хоть какое-то прошлое до клиники. Родители, сестры, друзья, школьная жизнь? Одна авария и все, что меня связывало с другими людьми, с пережитым вмиг оборвалось.

— Привет. — Шепчу, утирая скатывающиеся градины из глаз.

— Как ты? С тобой все в порядке? Тебя хорошо кормят?

— Откуда ты узнала, где я? А номер Эльзы?

— У мамы в сумке нашла документы на заключение договора с «Каролинской университетской больницей», сообразила, что и к чему, поняла, куда наши родители тебя отправили. Я прочла все о стокгольмской клинике. Отслеживала новости, через время СМИ начали пестрить о некой Эльзе Моретти. Я нашла девушку в социальных сетях и написала, отправила твою фотографию. Ответ пришел через несколько недель. Эльза подтвердила, что видела похожую девушку в клинике. Я попросила связаться с тобой, но у вас там вечно что-то не складывалось. С тобой точно все в порядке, Алика?

— Все хорошо. — Лгу я. — На свободу очень хочется.

— Когда тебя выпишут? В мае?

— Мне... — Я вздыхаю. — Мне ничего не говорят. Почему ты решила, что в мае?

— Договор действует до мая.

— Черт!

— Не ругайся! — Переключаюсь на давно забытый режим старшей сестры.

— Я скучаю по тебе и жду дома. Сильнее, чем ты можешь представить, Алика. Знаю, мы часто наладим, и я редко говорю тебе эти слова. — Тяжкий вздох. — Я люблю тебя. Воз-

вращайся домой поскорее любыми способами.

Любыми способами.

— Я тоже...

Не успеваю сказать в ответ те же важные слова, что и Катрина, как в комнату врывается одна из врачей. Она замечает в моих руках телефон и с криками отбирает.

— Алика Хеймсон, Эльза Моретти, мобильные устройства запрещены!

— Уверены?! — не теряется моя новая знакомая, решившись на такой подвиг, как отстоять честь нас обеих. — Почему правило распространяется только на нас? Что за особые привилегии?! — Негодует Эльза.

— Вы! — тычет доктор в Моретти, забывая обо всех правилах этикета в порыве злости. — Лишены возможности помогать на кухне!

Эльза со смехом глядит на меня. В ее глазах читается: «Нашла, чем напугать, идиотка»!

— Телефон я конфискую. По комнатам обе!

— Я уже в своей, — со скучающим видом складываю руки на груди.

— Мы придумаем вам наказание.

— Напугали. Думает нас остановит что-либо?

Доктор хватается девушку за руку и выволакивает в коридор. Моретти — боец, не сдастся! Она громко кричит:

— Когда выйду, расскажу, как вы обращаетесь с пациентами! Мой отец вас засудит! Останетесь с голой жопой!

Угрозы Моретти чудесным образом действуют на врача. Она в мгновение отпускает Эльзу, которая как оказалось может быть весьма убедительна. Девушка приземляется на задницу, поднимается, с гордо поднятой головой отряхивается, дарит мне счастливую улыбку и заявляет, будто ничего плохого никогда с нами не происходило:

— Скоро встретимся, Алика!

Я смеюсь, когда Моретти кривит рожицы доктору. Восхищаюсь ее смелостью. И не боится же Эльза последствий?

— Со всем справимся, не переживай! — Ободряет девушка.

Сегодня ночью я засыпаю счастливой. Давно не чувствовала себя столь... живой, что ли. Я услышала самое важное за последние годы, если не за всю жизнь — меня ждут дома. Хоть один человек, но ждет. Мысль об этом расправляет мои крылья. Она окрыляет, заставляет винтики в голове крутиться активнее и обдумывать план того, как мне покинуть гребаную клинику.

А я покину ее, чего бы мне это не стоило!

Зря! Пожалеешь и запутаешься еще больше.

Глава 2

Около трех месяцев я не видела Эльзу. С той ночи я потеряла ее из виду, но мне удалось узнать, что с ней полный порядок. Ее перевели в соседний корпус, *подальше от меня*. Пару раз я пыталась пробраться на территорию Моретти, но охрана хорошо выполняла свои обязанности, у меня не вышло.

Без Эльзы было тяжело. Я только нашла опору в неопределенное время и поверила, что мое времяпрепровождение может быть чуточку приятнее. *И так быстро ее потеряла.*

Я отчаялась, нахождение в клинике убивало каждую мечту, оживающую в моей голове. Счет времени потерял для меня значение. Зима превратилась в весну. Помню, как раньше с нетерпением ждала наступление марта, теплую погоду в Нью-Йорке и фантазировала, как буду праздновать день рождения в мае. *Весна впервые не радовала меня.*

С каждым днем я теряла надежду. Не знала, зачем просыпалась, спускалась на первый этаж за едой, лежала в обеденный перерыв на кровати и глядела в окно. В начале я много думала, пыталась найти причинно-следственные связи поступков родителей, искала причину, по которой они бросили меня медленно умирать в здравом сознании здесь.

Я возненавидела папу и маму. Я бы никогда так не поступила с ними или своими детьми.

Насколько нужно испытывать ко мне неприязнь, чтобы опуститься до такого?! Я прокручивала разные варианты, почему они оставили меня, но не один не казался логичным. Не думаю, что таким образом Эйден и Вел оберегали меня от чего-то или кого-то. Слишком глупо. И жестоко. Они способны на нечеловеческое отношение, но не настолько.

Проснувшись от стука и выглянув за дверь, я не сразу поверила в реальность промелькнувшего силуэта на этаже.

«Почудилось. Бельмо», — решила я, уже отчаявшаяся увидеть Моретти. *Давно похоронила надежду на нашу встречу.*

Иллюзия повторилась. Еще и еще.

Эльза вернулась, однако отношения между нами изменились. Она не замечала меня, словно мы никогда не были знакомы. Я стала пустым местом. Однажды пыталась заговорить с ней, а Моретти таким надменным взглядом хлестнула меня по лицу, что я больше не смотрела в ее сторону.

Следом помчались терзания и бесконечные попытки найти ответы на волновавшие вопросы. Казалось, я схожу с ума. Могло ли мне почудиться наше общение с Эльзой? Что, если диалог с Катриной я выдумала? Возможно, я хотела получить весточку из дома – услышать слова поддержки, знать, что меня любят и ждут – иметь *своего* в клинике, чтобы не быть одинокой.

Реальная Моретти не при чем? Я сама выдумала наше взаимодействие, чтобы избавиться от боли одиночества?

Все так и было ровно до того момента, пока дочка итальянского мафиози не разрушила мои *очередные* фантазии. В одну из ночей Эльза пробралась в мою палату и накинулась с объятиями. Я испугалась.

— Что происходит? — сдавленно шепчу я, пытаюсь высвободиться из плена Моретти.

— Я скучала по тебе. Нет времени тратить на пустяки. Как ты была без меня? К тебе хорошо относились?

Я посчитала нужным сначала ответить на вопрос Эльзы, а после требовать объяснения.

— Все в порядке. — Я лгу самой себе, чтобы лишний раз не раскисать. Потухшей меня достаточно, не хватало рассыпаться в пепел от новой порции драмы. — А ты? Почему делала вид, что мы не знакомы?

Сплю ли я или воображаю, не было известно.

— С моим возвращением в корпус, к нам приковано излишнее внимание. Нельзя выдавать нас.

— Поняла.

Часть вопросов автоматически закрывается.

— Нам пора бежать, Алика.

Я моргаю. Не понимаю, о чем речь.

— Сегодня на кухне будет поставка продуктов. У нас будет около десяти минут, чтобы попытать удачу. Что думаешь?

Эльза сумасшедшая!

— Эй, такой шанс выпадает нечасто! Соглашайся или

оставайся здесь, пока родители не скажут врачам: «Фас»! На сколько ты здесь застряла? Хочешь провести еще пару тройку лет в Швеции? Пожалуйста. Твой выбор! — эмоционарирует Моретти, распахивая дверь моей палаты. Она вылетает в коридор, я следом за ней.

Бурная выходка делает свое дело — я ведусь на провокацию и прошу Эльзу вернуться.

— Уверена?

— Да! Вернись в комнату, пока наш план не провалился раньше времени.

Моретти возвращается, делится планом и в ярких красках рисует нашу жизнь после побега.

— Как только выберемся из тюремного болота, отправимся смотреть весь мир! Никто не будет нам указом, запреты будут неведомы, вычеркнем это слово из записной книжки головного мозга и полетим покорять земной шарик!

Эльза так вкусно описывает, я готова на побег сейчас!

— Ты была в Диснейленде?

— Нет.

Помню, мы уговаривали с Катриной папу свозить нас туда. Услышав один раз грубый отказ, навсегда закрыли тему. Большое скопление людей, повышенная опасность и бла-бла-бла — чушь, которую он нес, только бы не исполнять наши мечты. Меня удивляло, что мировые звезды спокойно путешествовали по знаменитым местам и не беспокоились за безопасность, а тут Хеймсон какой-то весь изошелся по-

ехать в соседний штат.

— А на Мальдивах?

— Нет.

Я много, где не была. У папы вечно много работы, мама — не любительница колесить по миру, мы путешествовали с ней и ее подругами в основном в одни и те же места. Банально, но им нравится, когда в знакомом месте все налажено.

— Съездим! — Заверяет Эльза.

Ей хочется верить. Темные бестии, вроде как, не должны нести свет. С Моретти по-другому. Стоит девушке появиться в моей жизни, как депрессия рассасывается сама собой, я начинаю верить в то, что моя жизнь не обречена и в ней еще будет много разных красок, помимо черного.

Хочу всегда испытывать душевный подъем!

Своим присутствием Эльза вызывает интерес к жизни, вдохновение и все самые позитивные чувства, на которые способен человек. Бывают же такие люди

— Каких-то пару часов, и мы на свободе! Доверься мне, у нас все получится!

И я верю! Светящиеся глаза Моретти не могут лгать. А сама идея отправиться в кругосветку — потрясающая!

— Встань на кровать! — Командует девушка, скидывая тапки на пол и взбираясь на мое свежее постельное белье. К хренам его! Оно мне больше не понадобится, мы сбежим из клиники уже этой ночью!

Я встаю.

— Повторяй за мной!

— Готова! — прилив воодушевления, за порогом которого вот-вот начнется моя новая жизнь, разрывает мое тело на части.

— Скоро мы улетим на острова и заживем лучше, чем когда-либо! Мы будем самыми счастливыми, и никто не будет нам указывать, как жить!

Я повторяю в точности, как говорила Эльза, с той же интонацией и несдержанной радостью в голосе.

— В девять вечера жду тебя на кухне. Если встретишь кого-то из персонала, врачей или кухонных работников – скажи, что проголодалась. Тебе поверят, заодно угостят.

— Уверена?

— Знаешь, сколько оголодавших пациентов в нашей клинике выползают из своих палат ради тарелочки вредностей? Всех кормят!

— Хорошо.

— Я буду ждать тебя.

В обозначенное Моретти время я прихожу на кухню. Эльза не одна, выглядит не очень счастливой, ходит из угла в угол и причитает на шеф-повара – строит образ, быстро соображаю я. Не ей одной уготована роль. Свое амплуа я принимаю удачно, словно изо дня в день меняю манеру поведения.

Одна из работниц – понятия не имею, кто она, и имеет ли прямое отношения к снующим по кухне работникам – наго-

няет на меня жуть, исподлобья смотрит, готовая наброситься и задушить в любую секунду. Я стараюсь не поддаваться тому негативному влиянию, что она оказывает на меня: переключаюсь на шутки, оскорбляю невинный хот-дог, обвиняя его в не первой свежести. Делаю что угодно, только бы сталкиваться с карими глазами, наводящими ужас.

Когда объект моего страха отлучается, я подхожу к Эльзе и прямо спрашиваю:

— Кто эта женщина?

Моретти лишь отмахивается, коротко сообщая:

— За мной!

В кладовой она накидывает на меня верхнюю одежду, приказывая застегнуть пуговицы, иначе простужусь. Свиристующий ветер за окном подтверждает свои намерения превратить нас в льдинки.

У меня не возникает мысли: «Куда мы собрались в такую погоду», я вижу лишь открытую дверь – надежду на спасение вырваться из дня сурка. Очерствело проводить жизнь на больничной койке.

Мы пользуемся шансом, выныриваем на холод, когда все отвлекаются на прием продуктов, подсчет и росписи. Помню, как глотаю свежего воздуха впервые за долгие месяцы и чуть не умираю от счастья, оказавшись вне стен стокгольмской клиники. Мы бежим со всех ног, когда нам вслед несутся угрозы той пугавшей меня женщины. Я не останавливалась, видела только открытые ворота

Бежала.. Бежа.. Бе..

И отключилась.

Очнулась в своей палате, не понимая, почему снова оказалась заключена в проклятые, не отпускающие меня стены Каролинской университетской больницы.

— Далеко собрались? — каждый день задается одним вопросом лечащий врач.

Я отказываюсь от еды, объявив всем бойкот! Лучше сдохну по их вине, чем сгнию здесь из-за часов ускользающего времени. К тому же, без питания мой замысел пройдет в ускоренном режиме.

Со дня неудавшегося побега я не видела Моретти. Она не приходила, я не выходила из своей комнаты. Было нельзя. *Во всей клинике к нам отныне прикованы лишние пары глаз.*

На шестой день после провалившегося плана доктор Харис повел меня в свой кабинет, находящийся в отдельном здании больницы, что пугало меня. Казалось, врач сделает нечто ужасное. У меня в голове не укладывается, как можно носить звание «доктор» и вселять в людей иррациональный страх.

Мы не успели начать диалог, Хариса отвлекли. Он вышел за дверь, отдав предпочтение молоденькой сотруднице – кажется, она новенькая, до этого я не видела ее здесь. Было бы лучше, если Харис не вернулся. Понятия не имею, чего он добивается, сопроводив в свой кабинет. Надеется, я буду поговорчивее? Вряд ли

В попытках унять настойчиво проползающие в голову мысли, отвлекаюсь на маятник Ньютона, стоящий на столе.

Раз, два.

Глаза провожают крохотные шарики из левой стороны в правую и наоборот.

Раз, два.

Подвешенные на нити. В заточении. Такие же, как и я. Чем дольше гляжу, тем больше общего обнаруживаю в нас — неодушевленном предмете и себе, пока еще живом человеке. «Пока еще?», — спросит мой воображаемый друг. «Да», — отвечу я, поскольку держусь из последних сил за надежду выбраться отсюда и подарить себе новую жизнь.

Раз, два.

Маятник Ньютона сводит с ума битый час. Тик-так. Тик-так. Велика вероятность, доктор Харис оставил меня тут подумать над своим поведением. Мне не тринадцать, мой возраст — неподходящий для наказаний.

Ненавижу кабинет Хариса. Я в нем задыхаюсь. Воздуха не хватает, грудь обжигает от нехватки кислорода. Доктор Харис — не человек, мой личный киллер, борющийся за жизни других пациентов и измывающийся над моей. Его кабинет — пыточная.

Я запускаю пальцы в волосы и медленно спускаюсь с кресла на пол. Перед глазами темнеет, медленно теряю сознание. Отказываться от еды последние шесть дней было плохой идеей.

Прихожу в чувства в своей постели с сомнением, что была в кабинете лечащего врача – хер знает, что он мне там лечит, больше калечит: заставляет сомневаться в здравом ли уме я нахожусь.

Мое затуманенное сознание рисует образ Эльзы.

Я сажусь и хочу заговорить, но Моретти подносит палец к губам, просит помолчать.

— Что? — Шепотом интересуюсь я. А, когда слышу шаги по коридору, догадываюсь, о чем речь. Сверяюсь с часами, восемь – начался обход пациентов.

За пару секунд до нашествия консилиума, девушка исчезает в моей ванной комнате и прикрывает дверь.

«Вдруг ее обнаружат», — беспокоюсь я, но подавляю обеспокоенное выражение лица и моментально делаюсь уставшей, откидываясь на подушку.

Доктора интересуются моим самочувствием, медсестры проверяют давление. Никогда не видела их такими тревожными. У меня нашли неизлечимую болезнь? Нет? Тогда в чем же дело? Почему на лицах персонала застыл испуг? Кажется, кабинет Хариса все же был, как и потеря сознания. Другой причины переживаний я не нахожу.

Я всегда отношусь к врачам и его помощникам лояльно. Они делают то, что им велено. Но чего не могу простить – болючего укола, который мне впендюрили! Внутримышечная инъекция еще никогда не была так убийственна. Чувствую сидеть ближайшую неделю предстоит с адским трудом.

Перед уходом доктор Харис велит мне сохранять покой. Я послушно киваю, пропуская мимо ушей все дальнейшие слова мужчины — очередная трепка, не стоящая внимания.

— Ты была в кабинете врача? — стоит остаться наедине, как Эльза покидает убежище и не унимается с вопросами.
— Видела количество охраны на выходе?

— Мы уже пробовали. — Устало произношу я.

Знаю, к чему она клонит. Только вот у нас не выйдет, сколько не пробуй. И да, я видела то несносное количество охраняющих здание, будто мы не в больнице, а в тюрьме.

— Почему ты так быстро сдаешься?! Это не тот настрой, к которому я привыкла. Не знаю, как ты, но я до талого борюсь за свое и получаю! С первого раза никогда не получается, не новость.

Под мой сдавленный вздох внутри выстраиваются стены. Я не хочу поднимать тему с освобождением. Она непростая, а я не привыкла решать сложные вопросы. Моретти привыкла давать отпор системе, я не в числе тех, кто рушит устоявшиеся правила.

— Давай еще покончи жизнь с самоубийством из-за того, что у тебя не вышло! — Хмурит брови Эльза, выходя из себя. Она не мирится с моим «нет», провоцируя на разговор.

— Не говори бред!

Я неуклюже встаю с кровати, чувствуя, как накатывает слабость. Укол подействовал. Не знаю, что мне колют, но после каждого опустошенного шприца я готова отключиться и

проспать минимум полдня. Медсестра убеждает, что ампулы с простыми витаминками. Не верю, витамины не могут так мощно действовать и отключать человека от внешнего мира.

— Именно! Не говори бред и не допускай идиотских мыслей в своей голове! — Настойчива Моретти. Ее зеленые глаза берут мои в плен и не отпускают, пока я не включусь в пока еще односторонний диалог.

Фарфоровая красotka с белоснежной кожей обнимает меня. Эльза дает время, не спешит вытягивать из меня слова. Когда я первая отстраняюсь, девушка распознает это как сигнал к тому, что можно продолжить.

— Размышления о негативе – это твои мечты о неприятностях. Что за склонность к страданиям? Оставь мерзкую привычку в прошлом, она нам больше не понадобится – от нее один вред.

Слова Моретти заседают глубоко в сердце.

Склонность к страданиям. Неприятно слышать о себе правду. Я не желаю мириться с истиной, хоть отчасти и понимаю, Эльза прав.

После следует большая лекция по нейробиологии. Вкратце, мозг ищет подтверждение в реальном мире тому, о чем мысли человека. Со слов Моретти, это не магия, не волшебство, а научно-доказанные вещи! Например, ты купила красную машину и везде обращаешь внимание на красные машины, удивительным образом они везде попадают к тебе – это работает с любой вещью, на которой ты концентрируешься.

Речь Эльзы действует на меня убедительно. Я верю в чудеса, но научные факты – неоспоримая вещь.

— Никаких двухэтажных мыслей! Действия и вера – единственные две составляющие твоего успеха.

— Удача? — Мне кажется это немаловажная часть любого получившегося дела.

— Удача – удел слабых. На нее уповают только те, кто не верит, что могут повернуть все сами. Сделай все чтобы гордиться собой, а не жалеть, что рано сдалась, когда шанс сам шел тебе в руки! — Подмигивает на прощание Эльза и уходит, оставляя меня наедине со своими мыслями.

Моретти права.

Мы должны попробовать еще раз! А, если не получится, то сделать это снова и снова, пока не увидим нужный результат.

Глава 3

Снова и снова. Снова и снова.

Я сбилась со счету, сколько раз мы пробовали сбежать. Перестала считать, понимая, насколько бессмысленна сама затея. Слова Моретти помогли не сдаваться. Либо у меня есть шансы, которые рано или поздно принесут желаемое, либо нет ничего, кроме сожаления.

Я перестала бояться неудач, стала воспринимать их, как неотъемлемую составляющую на пути к тому, к чему шагала изо дня в день. Стала смотреть с гордо-поднятой головой на врачей, ловивших меня на побегах. Я больше не стеснялась своих желаний, я была достойна свободы – впервые в жизни я не просто желала, а осознавала, что заслуживаю ее! И ни доктора стокгольмской клиники, ни отец, упекший меня сюда, ни один человек не лишит меня права жить так, как я хочу!

Никто не разрушит мои планы!

Во мне жили слова сестры. Они подбадривали, когда я вспоминала о них. *А помнила я их всегда.*

Меня любят. По мне скучают и ждут дома.

Катрина говорила скорее возвращаться домой любыми способами – я цепляюсь за все шансы, выпадающие на нашу долю.

Совру, если скажу, что все было гладко, и я была вооду-

шевлена скорейшим освобождением каждую секунду. Эльза здорово подбадривала меня:

— *Разговоры лечат душу. Иногда поделиться с кем-то жизненно необходимо. Попробуй!*

После каждого нашего разговора я приходила в себя и с новыми силами рвалась в бой за свое место под солнцем. Ценой моего места стали многократные безуспешные попытки и боевой дух, помогающий подниматься с рассветом вновь и вновь, пока Моретти не придумала новый план. На этот раз мисс Конгениальность выяснила, что сегодня в ночь отряд медсестер – одна из смен – отправляется в город. Мы – естественно, под прикрытием, могли бы ухватиться за этот шанс и получить долгожданную свободу.

— Ну, не знаю. Пахнет провалом, после которого тебя вновь переведут в другой корпус.

Несколько месяцев безнадежных авантюристических попыток сбежать из рук злоумышленника Хариса – хотя какой из него врач, спаситель тел и душ, если он удерживает людей насильно и дерет с них кругленькую сумму за нахождение здесь – и его клиники не тянули даже на кроху успеха, поэтому каждое предложение я расчетливо оценивала. Беспринципно строила в голове шкалу, по которой давала новому плану Моретти 1% на успех. Соответственно, он не стоил заморочек и внимания. Большущее «но» все же присутствовало, я дала обещание Эльзе пробовать любую дурость, что придет ей в голову.

Видя грустный взгляд своей новой подруги по несчастью, я быстро одумалась и поспешила успокоить Моретти – я не планирую отступить.

Варианта два: либо у нас будет все, либо ничего!

— Правда попробуем?

В отличие от меня, Эльза пробивная. Порой я завидую ее настойчивости. Наблюдая за ней все наши месяцы знакомства, я не устаю удивляться подруге. Про таких, как Моретти, принято говорить: «Она – та, кто пойдет до конца и захватит весь мир». Думаю, итальянский корни и отец-мафиози сделали ее такой неубиваемой перед трудностями.

— Конечно!

Как я могу не дать нам шанс или отказать Эльзе? Девушка делала куда больше, чем я, предлагала в десяток раз больше планов, чем я. Пусть я делаю ставку в 1% успеха новой выдумки Моретти, но продолжаю верить! Никто не знает, быть может, и один процент сорвет куш.

Ради нас Эльза разворачивает целую миссию, достойную премии. Она крадет форму, бейджи с именами Фрейя и Ингрид (мне по душе второе, поэтому выбираю бейдж Ингрид) – этим же девушкам подсыпает снотворное и запирает в пустующем кабинете – телефон из палаты своей соседки и зимние вещи, помогающие нам замаскироваться и не выдать себя. Мы быстро переодеваемся, спускаемся на первый этаж, расписываемся и проходим мимо охраны на улицу. Я опускаю глаза в пол, стараясь не смотреть на крепкого мужчину,

который ловил на с Моретти множество раз. Меня трясет. Надеюсь, этого не замечают другие.

Когда мы садимся на задние сиденья минивэна, получается прийти в себя. Ладонь Эльзы обжигает, моя – холоднее обломков айсберга. Тепло подруги успокаивающе. Моретти шепчет дышать глубже, я следую ее совету. Выравниваю дыхание и колотящееся сердцебиение.

Меня пробивает на смех, стоит увидеть удаляющиеся ворота стокгольмской клиники, куда я была заточена чуть ли не год назад. У нас получилось? Это правда происходит с нами?

Поверить не могу в то, что вижу – мы за пределами цепких лап Хариса и его психушки!

— Вдруг они нас вычислят? — Переживаю я.

— Они очнутся только утром, к этому времени нас уже не будет в Швеции. Верь мне. У нас получилось, все хорошо. Поводов для переживаний нет.

Повышенная тревожность Алики Хеймсон так не считает. Я начинаю думать о том, что кто-то может нас преследовать, подозревать. А как мы будем жить без денег, путешествовать? Мечты вышли за пределы фантазий, и это пугает больше, чем заключение. Свобода – ответственность. Связанные руки – это в каком-то смысле комфорт, решать ничего не надо.

Дорога была нелегкой. Я ехала с завязанными глазами, потерянная. Чужая страна, незнакомые люди, безденежье. Я обнажена перед сложившейся ситуацией. Уязвима. Зависи-

ма от Эльзы, которая является моей единственной опорой.

Когда наш автомобиль проносится мимо таблички «Добро пожаловать в Эскильстуну», я одновременно переглядываюсь с Моретти. Вместе смекаем — это первый перевалочный пункт в нашем большом путешествии. Минивэн делает остановку у кафе на въезде в город. Пока водитель и медсестры уносятся внутрь, мы с Эльзой даем деру. Подруга заталкивает меня в городской автобус, прямиком доставляющий нас на вокзал. Там Моретти решает шикануть и потратить последние деньги (их итак было немного из украденных) на билет на поезд.

— Держим путь в Вестерос. — Отбивая мне пять, гордо сообщает подруга.

Мы две сумасшедшие! Что творим?

— Потусуемся там пару дней, а после махнем в какую-нибудь Мексику или Париж!

Моретти же шутит?!

— Или ты хочешь остаться в Швеции, Алика?

Что угодно, только не Швеция!

— Тебя ничего не смущает в нашем плане?

— Ты не осознаешь, что только что произошло? — Приторно счастливый голос Эльзы, и мой грубый тон идут вразрез с происходящим. — Мы свободны! С сегодняшнего дня никакой больничной еды, никакого Хариса и его диктаторских замашек. Никакого контроля посторонних людей, разве это не самое главное?! Разве ни к этому мы шли все месяцы?

Я ожидала воодушевления, взрыва эмоций из радостных конфетти, танцев в честь победы, а получила высокий уровень беспокойства за дальнейшую жизнь.

— Вообще никакой еды, Эльза! У нас нет денег.

Девушка отмахивается с широченной улыбкой. Ее взгляд так и говорит: «Что за глупости, Алика».

— Чего ты паришься? Что-нибудь придумаем! — Лирический настрой Моретти сбивает меня с толку. Либо я тугодум, либо она оптимист высшей марки. — Деньги – ерунда. Прошу, расслабься.

Легко сказать, когда ты под надзором собственных мыслей.

— Эль, а вдруг они найдут нас?

— Не найдут. Завтра мы будем в другой стране. Все *уже* потеряли наш след. За это даже не думай!

В назначенное время мы занимаем места в вагоне. Я удивляюсь, замечая в билете строчку «Пятое мая». *Уже май*

— Чего ты?

Я хлопаю глазами. Шепчу:

— Пятое мая.

— Какое счастье, что мы не очнулись в декабре. Нам выпало идеальное время для побега – конец весны, начало лета. Выйдут запоминающиеся каникулы!

Да, такое я вряд ли забуду. Не каникулы, а травма на всю жизнь.

Майский пейзаж за окном поднимает мне настроение.

Благодаря Моретти мне удастся расслабиться и отключиться от внешнего мира. Внутреннее счастье живо порхает крыльями.

В вагоне-ресторане Эльза склеивает миловидного иностранца, занимает у него денег, пообещав отдать при встрече в Палермо, после своего возвращения. Земляк Моретти наивно верит. Хитрющим зеленым глазкам Эльзы невозможно не поверить! Итальянца можно понять. А Моретти с таким успехом в флирте можно никогда не задумываться о поиске работы. На мою подружку – фарфоровую куколку всегда найдется любитель потратить деньжата.

— Заказывай, что душе угодно! — Потряхивая купюрами перед моим носом, велит Эльза.

Я с особой гордостью листаю меню, обтекая слюнями, будто заполучила весь мир, подчинила себе всех влиятельных людей планеты и теперь каждый дышащий играет по нашим правилам.

Зря боялась сбегать из клиники! Те блюда, которые нам сейчас принесут стоят сотни моих побегов, преодолений собственных страхов! Я чертовски горжусь тем, с какой легкостью нам удалось обмануть систему Хариса после стольких неудач!

— Куда ты хочешь отправиться? — Вопрос Эльза запивает хорошим вином.

Я воодушевленно откидываюсь на кожаную спинку дивана. Дышится легче обычного. Делаю вдох полной грудью и не

могу насытиться свежестью. Голова кругом от мысли: «Мы свободны! Наконец»! Меня разрывает на части от счастья. В воздухе витает «All My Ladies». В такт покачиваю головой и люблю Моретти, раздумывая над ответом.

Куда я хочу отправиться?

Право выбора Удивительно, оно появилось у меня впервые за почти девятнадцать лет. Для человека, которого всегда и во всем ограничивали, это нереальное чувство. Я думаю сначала об одном варианте нашего путешествия, моментально перескакиваю на другой. Хочется попробовать одновременно все!

Никогда не думала, что буду настолько ценить свободу.

С нами случилось настоящее восьмое чудо света!

— Давай, куда будут билеты, туда и полетим?

— Доверимся судьбе? — Ничуть не удивлена моему ответу Эльза.

Я киваю.

— Мне нравится. Давай!

— Только у меня одна просьба.

Долго думала, как преподнести то, что скажу далее, Моретти. В итоге решила сказать, как есть.

— Мне нужно связаться с одним человеком.

Я видела, как Эльза стащила телефон у одной из медсестер.

— Конечно! Я не против, но не с того мобильного, который я украла. Он нужен нам исключительно для отслежива-

ния времени и дат. Как только покинем Швецию, купим новый телефон и позвонишь хоть всем своим друзьям. Идет?

Друзьям? Нет. Я мечтаю услышать голос только одного человека.

Жив ли он? Как себя чувствует?

— Надеюсь, твои знакомые не сдадут нас. Понимаешь, никто не должен знать, где мы. В противном случае лучше не провоцировать их своим звонком.

— Я понимаю. Сделаю звонок только проверенным людям.

Их количество увеличивается до двух.

Алексу, голос которого я воспроизвожу каждую ночь в надежде вновь услышать родные нотки вживую. Безумно скучаю по парню. Молюсь, чтобы он был жив и здоров. Я до сих пор в неведении после той аварии. Кто знает, может с Каррасом случилось нечто страшное, навсегда изменившее его жизнь. Вероятно, поэтому он не может найти меня, связаться.

И Катрине — маленькому детективу современности, нашедшей способ поговорить со мной.

— Что насчет билетов? Ограбим очередного симпатягу? Не думаешь, что нас покарают?

— Я же отпетая мошенница. Волноваться не стоит. Этот итальянец был так счастлив, когда вручал мне деньги. Говорил, я могу не волноваться за их возвращение. Поверь, ему только в радость делиться наличкой с красоткой! — Уверен-

ность Моретти не знает границ. — Хочешь я попрошу у него на билеты для нас?

Эльза переводит взгляд на мужчину, благодаря которому наша жизнь ежесекундно становится лучше, и кокетливо улыбается. Не верится, что он реален.

— Думаю, не стоит.

По всей видимости, у подружки отсутствует стоп-кран. Моретти нагло использует земляка и не видит причин, по которым стоит прекратить это делать.

— Брось! Может, он – мой будущий муж! Энзо только рад моей компании. — Конечно, она уже и имя его знает! О чем речь?! Подружку ничего не остановит. — Я пойду к нему.

Попытки удержать Эль на месте безуспешны. Игриво виляя бедрами, Моретти направляется к Энзо, присаживается за его стол, поддевает вилкой ломтик красной рыбы и направляет в рот. Они активно болтают на непонятном мне итальянском языке, а после ко мне подходит Энзо. На неплохом английском он зовет присоединиться к ним с Эльзой. Я украдкой бросаю взгляд на подругу, она показывает, чтобы я улыбалась. Придется следовать указаниям «отпетой мошенницы».

Скрывая смущение, улыбаюсь во все зубы и даю добро на щедрое предложение. Энзо подает руку, я принимаю.

— Угощайся! — Моретти гордо протягивает мне бокал недешевого шампанского.

«За чужой счет», — угрюмо добавляет немеркантильная

часть меня.

— Благодарю. — Сквозь зубы цежу, пытаюсь скрыть от Энзо раздражение на подругу.

— Все в порядке? — Мужчина замечает неладное.

— Да. — Мускулы моего лица горят об боли. Трудно изображать радость, когда кипишь от ярости.

Энзо не верит, поэтому хочет загладить хрен пойми чью вину:

— Прекрасные дамы, принести вам горячих блюд? Вина?

Мое «нет, спасибо» тонет в громком «да» Эльзы. Моретти — чертова нахалка! Бессовестная! Как она может использовать столь доброго человека?! Было достаточно того, что Энзо одолжил нам денег на вкуснейший обед.

Эль мало, она решила выжать из милого итальянца все соки!

— Что ты творишь? Разве он недостаточно помог нам?

Моретти не внимает моим словам.

— Он подбросит нас до аэропорта Стокгольм-Вестерос.

— Пауза. Эль смотрит на мою реакцию.

Я должна была сейчас подпрыгнуть от радости? О Боги, ну все, теперь официально можно водить добродушного мужчину, пустившего нас за стол, за нос! В отличие от нахрапистой девицы в лице моей пока единственной подруги я еще не выжила из ума и соблюдаю границы.

— А еще оплатит нам обеим билеты в любую страну! — Гордости Моретти сегодня не занимать.

— И? — Хмуря брови, переспрашиваю я.

— И? — Откидывая темные локоны, недовольствует Эльза.

Она придуривается или не понимает, что перешла черту, когда втянула Энзо решать наши проблемы?

Нога на ногу. Взгляд, как у прожженной сучки – доминирующий, хитрющий, с подъемом. Поза Эль расслабленная, чересчур уверенная. Ее зеленые глаза в открытую играют с моими. Она – вожак в нашей стае. И следующие слова Моретти подчеркивают мое место в команде из двух человек.

— Радуйся, что не остаешься на улице с голой жопой! — Глоток вина. За ним следующий и в виде закуски для Эльзы ее хлесткая фраза. — А, если не нравится, как я решаю все за нас двоих, всегда можешь вернуться в стокгольмскую клинику! Живодерам нужна сбежавшая жертва.

Я стихаю. Гашу свой настрой «вечно правой». Каррас обожал называть меня врединкой за споры. И да, я люблю споры. Но сейчас они неуместны.

— Через две недели Энзо пригласил меня на свидание в Париж.

Чокнуться можно! Моретти всего ничего на свободе, а уже успела устроить свою личную жизнь. Что-что, красиво жить итальянка умеет! Мне стоит поучиться у нее и поменьше ворчать.

— Бронировать на тебя билет во Францию или будешь двигаться в одиночестве?

То есть Эльза не бросает меня? Я была уверена, она от-
реклась, как только заговорила о моей голой заднице.

— Бронировать.

— Энзо хороший мужчина. Я позволяю ему проявляться
во всей своей щедрости. Сама подумай, если бы он не хотел,
стал бы он делать что-то для меня?

Итальянец не похож на тех, кто помогает из жалости.

Эльза права – я слишком близко воспринимаю все к серд-
цу.

— Ты со мной?

— Да.

Моретти наклоняется ко мне, изучающе смотрит, гипно-
тизирует своим взглядом.

— Подумай хорошо. Если сейчас ты говоришь «да», это
может значить только одно.

Эль говорит загадками.

— Союз «Ты и я» до конца. В любую погоду, в рандом-
ных странах, в поганные и счастливые времена мы держимся
вместе.

Моретти протягивает ладонь, но я не спешу принимать.

— Возможно, нам придется воровать и грабить ради вы-
живания. Как далеко ты готова зайти, принцесса?

Я смеюсь с подколов подружки. Эль плохо меня знает. В
своих глазах я не трусиха. Мне бывает страшно, но я не па-
сую перед трудностями. Сегодняшний день тому доказатель-
ство. Я четко разделяю границу, кого можно дурить, а кто

не заслуживает такого отношения по человеческим соображениям. Энзо не заслуживает, поэтому я категорична к поступку подруги.

— Дальше, чем можешь представить, и только в пределах разумного – к тому, кто того заслуживает.

Ухажер Моретти возвращается. Мы с Эльзой жмем руки на глазах мужчины, явно непонимающего, о чем речь. Главное, мы знаем значение жеста – у нас не перемирие, а возрождение дуэта. Отныне Хеймсон и Моретти – члены романтизированной банды, новая дружеская версия Бонни Паркер и Клайд Бэрроу, преступницы со своими ценностями, отличающимися человечностью, своеобразные Робины Гуды, берущие у отмороzków и отдающие себе (временно, потом обязательно будем делиться с нуждающимися).

— Выпьем за знакомство?

Мы чокаемся за приятную встречу, разговариваем на английском, чтобы всем было комфортно. Я вру о своем происхождении, испытывая максимальную неловкость, а Эльза не скрывает, говорит по фактам – и о клинике, и об отце, запершим ее там. Вино делает ее чересчур разговорчивой, из-за чего я начинаю опасаться за нашу дальнейшую жизнь и план, который может с разгромом разрушиться. Что, если Энзо вмешается?

— Мой друг – известный журналист. — Начало не предвещает хорошего. Настрой мужчины боевой. — Нужно осветить пережитое вами в новостях. — Мои опасения подтвер-

ждаются. Энзо не предлагает помощь, он на ней настаивает.

— О, нет! Мы планируем заняться этим позже. — Уклоняется Моретти. Я не уверена в словах Эль, обманывает она Энзо или через некоторое время в действительности хочет расправиться с отцом, прибегнув к помощи СМИ?

Энзо нервничает, стоит подруге отказаться от его помощи. Сверху он предлагает еще пару десятков вариантов – видимо не понимает значение «нет». Эль успокаивает тревожного мужчину лучшими аргументами – обьятиями, поцелуями и словами о том, что хочет подобрать лучшее время, чтобы сокрушить отца. На итальянца они действуют. Для детонации гормонального всплеска первых двух было бы достаточно.

По прибытии в Вестерос, Энзо делает все, как обещал Моретти – с комфортом подвозит нас до аэропорта, оплачивает билеты до Фуншала, на остров Мадейра, и дает с собой пару пачек наличных. План по выживанию рушится окончательно, стоит увидеть внушительные купюры. Мошенничество отменяется!

— Хорошо, что я выкрала наши паспорта. Нам несказанно повезло. Ты понимаешь?! Мы – любимицы Бога, по-другому не скажешь! — Пищит от счастья Эль, раня мой чуткий слух.

Я прошу ее успокоиться. У кассы скачущая от радости девушка привлекает много внимания. Не хватало, чтобы органы забеспокоились сумасшедшим настроем Эль и загребли ее в участок, проверяя на наркотики.

— Нам придется вернуться в Стокгольм, вылет в Фуншал оттуда. Энзо оплатил билеты на быстрый поезд, домчим за пятьдесят пять минут. Отправление через полчаса. Ты готова?

Никогда не была на Мадейре. Судя по картинкам в интернете, которые отыскала Эль на телефоне Энзо, убеждая меня полететь именно туда, нас ждет райский отпуск. Почти любая авантюра стоит того, чтобы оказаться там. Я готова вернуться в город, откуда мы сбежали, ради жизни, о которой мечтаю и свободе, к которой всегда стремилась!

Киваю.

— Тогда по машинам! — В эйфории командует Моретти.

Энзо отвозит нас на вокзал, трепетно провожает мою подругу, желая нам обоим отличного пути. Мы садимся в поезд, колеса под нами начинают активно стучать, подавая сигнал: «Начинается один из самых запоминающихся периодов вашей жизни».

Глава 4

Португальский остров подарил нам чудесные недели. Я отпраздновала свой день рождения в лучших традициях островитянина – с утра грелась у Атлантического океана, завтракала экзотическими фруктами и напивалась красивыми видами на протяжении дня, а вечером танцевала на пляже под «The Island» Pendulum.

Когда все уже сказано и сделано, Ты все еще ищешь ответы, если они есть. Я развернусь — импульс исчез. Поводов не осталось, и мы медленно сходим с ума.

Мои девятнадцать встретились сладко.

Никогда не чувствовала себя настолько свободной! Я жила, как хотела, питалась, чем вздумалось, хотела – спала на пляже, хотела – засыпала в прохладной комнате, которую мы с Эль снимали за гроши. Гуляла, где вздумалось, шла, куда глаза глядят, и не опасалась, что кто-то узнает меня или набросится с вопросами о карьере папы – великого и ужасного Эйдена Хеймсона. Я была рада, что при взгляде на меня у людей не загоралась в голове лампочка: «Она – Хеймсон». Островитяне глядели лишь на миловидную девочку с большими голубыми глазами и кудрявыми волосами, без лишних мыслей о ее статусе.

Здесь моя фамилия ничего не решала – об этом я могла только мечтать.

— Ты не ответила португалцу?

— О предложении сходить на свидание?

Я познакомилась с парнем пару недель назад, но так и не нашла нужные ресурсы ответить ему взаимностью. Дело не в том, что мне он не понравился. Парень был чудесный – красивый, обходительный. *Но я скучала по тому, кого оставила в Нью-Йорке.*

По прилете в Фуншал – главный город и морской порт острова Мадейра – я выпросила у Эль телефон с новой сим-картой, проверила аккаунт Алекса. После трагического крайнего заезда в его социальных сетях новые фото и видео не появлялись. Из архива ничего не публиковалось. Страница парня была мертва. Я старалась гнать мысли о смерти Карраса, хоть порой они были сильнее меня. Номер его телефона я не помнила, звонить было некуда.

Думала набрать Катрину, но Моретти наглухо запретила, обосновав поступок тем, что мобильный сестры может прослушиваться. Довод был убедителен. А, учитывая мой побег из стокгольмской клиники, Эйден точно предпринимает все меры, чтобы меня найти.

Так просто отец меня не отпустит.

Любитель держать под контролем весь мир, не сможет упустить деталь в виде своей ослушавшейся дочери – это ударит по его эго.

Мы приняли решение оставаться в невидимости, ни с кем не связываться. Тени прошлого мешали бы нам жить.

— Он спрашивал о тебе.

— Океан беснуется. — Хочу перевести тему, чтобы не говорить о парнях.

Мой интерес всегда крутился вокруг Карраса, о других знать не хочу. Эль в курсе, мы это обсуждали, но ей не дает покоя, что она каждую ночь ложится спать без сплетен о моих любовных связях. «Слишком скучно живу», — заключила недавно Моретти. Я другого мнения, не считаю верность — скукой.

— Ты стала похожа на коренную островитянку. — Эльза ловит мой настрой и поддается, отпуская свою любимую тему.

— Из-за волос?

— Да.

Я смотрю в небольшое зеркало, висящее на неумело забитом гвозде на шкафу. Не очень люблю кудри и даже рада, что они достались от мамы Катрине, но субтропический климат на крайнем юге острова, где мы находимся, другого мнения. Высокая влажность, наличие океана вокруг всего острова сделали свое дело, превратив волосы из моих прямых от рождения в завитые.

— Ничего, Франция все исправит.

Я непонимающе пялюсь на Моретти.

Франция все исправит. Что подруга имеет ввиду?

— Энзо ждет нас в Париже.

— Вы списывались?

— Да. Пару дней назад я вышла с ним на контакт. Все время, что мы были здесь, он ждал моего сообщения.

Невозможно игнорировать сияющую Эль. Ее распирает, стоит завести разговор о том, кого она встретила в шведском вагоне-ресторане.

— Итальянцы – те еще романтики?

— Кто угодно, но не итальянцы. Я с первых дней жила в мафиозных кругах. Нормальные, адекватные люди мне незнакомы, тем более романтики. Пушки, грязные деньги, алкоголь, чтобы заглушить очередной трудный день, азартные игры, тайны, из-за которых может начаться масштабная кровопролитная война. Энзо – скорее исключение. — Немного подумав, Эль продолжает. — Ты же не думаешь вернуться в Нью-Йорк?

— Нет.

Не сейчас так точно. Мне нужно чуть больше времени и смелости, чтобы дать отпор папе и его деспотичному образу жизни, которому я поддавалась.

— А ты? Не планируешь навеститься в гости к итальянским родственничкам?

— Ни в этой жизни. Ни за что не вернусь в Сицилию!

— А как же Палермо? Кое-кто собирался отдать занятые деньги у Энзо по возвращению на родину.

— Брось! Он давно простил мне эту мелочь.

О, да! Мелочь, на которую мы живем далеко не первую неделю на острове Мадейра. И живем весьма неплохо, на

широкую ногу, ни в чем себе не отказывая!

— Чего это ты решила написать итальянцу?

— Соскучилась. — Рассматривая загоревшее тело в зеркале, кружится Моретти.

Эль и соскучилась? Противоположные друг другу слова.

Мой укоризненный взгляд выводит подругу на чистую воду.

— Деньги заканчиваются.

Ответ больше похож на правду. Теперь верю.

— Не я тянула его за язык, обещая свидание в Париже. Я подумала – это отличный повод, нагрять в унылую жизнь Энзо. Итальянские мужчины должны держать свое слово. Знаешь, что происходит у нас в мафиозных кланах, когда нарушают обещание?

Понятия не имею.

— Казнят. Не на публике. Тихо, без лишней шумихи, где-нибудь в темном переулке. Ну, или просто вывозят за город.

— Одержимо смеется Моретти, рассказывая о правилах в ее мире. Она походит на сумасшедшую, и от этого я чувствую безумный страх.

Мой отец любит также истерично смеяться – неврологическая патология. Его судорожные припадки вызывали точь-в-точь такой же сильный страх, как сейчас.

— Ужас. — Шепчу я.

Когда Эльза успокаивается, мы продолжаем диалог.

— Что планируем делать?

— Лететь в Париж! Самолет послезавтра, пакуй чемоданы, крошка!

Паковать особо нечего. За время пребывания на Мадейре я мало что приобрела, в отличие от подруги, которая скупала все, что нравилось ее «золотому» глазу. Пару топов и шорт можно закинуть и к Эльзе в чемодан, много места они не займут.

— Две недели давно прошли. Не кажется? — Уточняя немаловажную деталь. Энзо приглашал Моретти давно, много недель назад.

— Настоящий мужчина, если он настоящий, дождется своего часа. Час Энзо настал, и он им воспользовался.

Следующий день – крайний в нашем пребывании на острове. После вкусного обеда с жареными ракушками и свежельвленной эшпадой – рыбой, которую ловят у берегов Мадейры – под соусом из маракуйи я с Эль отправляемся в место, где еще не были.

Мы видели все! Восхищались дорогой, усыпанной гортензиями, слушали пение самобытного мощного океана и мелодии ханга, устроившись у обрыва вулканической земли, вдыхали запах природы, пропитанного свободой, были в долинах, где пасутся коровы. Я не верила своим глазам, прожитое на Мадейре было культовым фильмом. Когда еще я буду убегать от волн в сумерках? А ужинать на краю земли?

Сегодня остров затянул густой туман – явление довольно частое, нас он не испугал на пути к локации X. Фанал – ме-

сто, о котором говорили и местные, и приезжие. Он является частью лаврового леса Лаурисильва.

Вступая на территорию древнего сокровища Мадейры, попадаешь в мистическую сказку. Древние деревья возрастов более пятисот лет вызывают восхищение, как и все вокруг, утопающее в зелени.

Мы недолго проводим там время, момент от леса Фанал до посадки на рейс до Парижа занимает миг. Плотный туман рассеивается, невзирая на предсказания синоптиков – отличный знак, благодаря которому мы можем удирать с португальского острова и мчаться в новую страну.

Комфортно расположившись на лучшем месте в самолете, я достаю блокнот с ручкой, приобретенные в аэропорту. Во мне живет стая мыслей, хочу избавиться от части из них с помощью бумаги.

Отдаленность от дома помогла мне многое переосмыслить.

«Я впервые за всю жизнь принадлежу себе. Я одна. Творец своей судьбы – так бы я представилась сама себе на сегодняшний день. За пролетевшие недели ни разу не пришлось изобретать мудреные планы, благодаря которым могу выкрасть час в день для себя.

Я больше не ломаю голову над тем как соответствовать. Какое платье надеть, как скорректировать график, чтобы появиться на том или ином светском приеме, что выучить, чтобы мои оценки оставались на том же высоком уровне,

что сказать тем или иным людям.

Мадейра потрясающая! Тут я впервые познакомилась с собой настоящей, узнала, что мне искренне важно, и тупо жила без навешанных ожиданий к самой себе и тем ожиданиям, которым нужно соответствовать, чтобы другие оценили.

Оказывается, мне не столь важны деньги, сколько я думала. Алика Хеймсон спокойно обходится без дорогостоящих туфель, тонны косметики, люксовых условий для проживания и суперкомфорта. Я не нуждаюсь в доступе к интернету, новых вещах каждую неделю и мишленовских ресторанах. Я с кайфом передвигаюсь пешком, на автобусе и любом другом транспорте, ношу несколько дней подряд одни и те же шорты с футболкой, ем то, что нахожусь на острове и безумно довольна, если со мной кто-то делится книгой – единственное увлечение из прошлой жизни, от которого я не смогла отказаться».

Рука застывает над страницей, не успевая начать новое предложение. Объявляют взлет. Я откладываю свои писарчукские работы на неопределенный срок, пока мы не прилетим во Францию.

Бокал шампанского на высоте плохо на меня влияет. Я теряю бдительность, клонит в сон, кидает в жар. Стоит закрыть глаза, как моментально проваливаюсь.

Черт дернул нас покинуть Мадейру, взяв билеты в Париж.

Спутанное сознание делает со мной ужасные вещи при пробуждении, чудится, будто передо мной стоит отец, а Эль сидит напротив с заклеенным ртом. Я массирую виски и глубоко вдыхаю – воздуха мало, он пропитан страхом. Мы в чартере? Что происходит? Тяжелый лихорадочный сон сводит с ума. *Поскорее бы он закончился.*

Чем дольше я осматриваюсь, тем больше проникаюсь пугающей мыслью: происходящее – не сон.

У Эльзы покорежено лицо, видны кровоподтеки и отпечатки ладони. Ей давали пощечины.

Эйден Хеймсон не мерещится мне.

— Долеталась по миру?

Не успела. Ты вновь умудрился все испортить!

Омерзительное выражение лица отца вызывает у меня тошноту. Урод ничуть не изменился за год, что мы не виделись.

Моретти отрывают скотч от лица. Она, не думая, начинает кричать сквозь слезы:

— Они знали о каждом нашем шаге! — У подружки истерика.

Эль ударяют, приказывая заткнуть «паршивый рот». Мое тело дрожит, грудная клетка ходит ходуном от невозможности сказать и слова. Я парализована страхом, что наводят люди перед нами – мой отец и трое крепких мужчин.

Они ждали момент, чтобы выловить нас. Он настал. Здесь, во Франции.

Какими наивными мы были. Нельзя было верить тому, что у нас получилось одурачить куда более взрослых и влиятельных фигур.

Мы не сбежали, нам с Эльзой просто накинули поводок и выпустили посмотреть мир. Мы – марионетки в оплаченном высокопоставленными извергами спектакле. Глупые, раз так легко поверили в свой успех. Все контролируется, все покупается. Пачка денег от Энзо, напускное великодушие, миловидная внешность. Я не сомневаюсь, он замешан в делах, проворачиваемых моим отцом.

А дальше происходит то, чего я никогда не смогу стереть из своей памяти, но буду бесконечно пытаться. Мне что-то колют в вену, Эль валят на пол и начинают терзать до тех пор, пока она не делает последний вдох, а ее тело не охладевает.

Та, что всегда была за меня, даже, когда я была против себя, *прощается с жизнью.*

Глава 5

Не знаю, сколько времени должно пройти, чтобы я смирилась с возвращением к мучительному прошлому.

Это не просто шаг назад, а крушительное падение, провал, за который я не могу себя простить.

Моя комната не состоит из воспоминаний, кружащих в воздухе, она наполнена ранами, что не успели затянуться. Я ежедневно вижу в доме знакомые фигуры, их черты лица напоминают: «Ты вернулась туда, откуда бежала». Знакомые улицы кричат о моих ошибках, собственная тень нашептывает о сбывшихся страхах. От родных исходит тяжелая энергетика, своим присутствием они выражают сожаление, отражая мои несбывшиеся мечты. *Круг замкнулся.*

Нью-Йорк встретил ярким солнцем, но для меня в городе нет света. Меня окутала невидимая для других тьма. Болезненные лучи не проникают сквозь ткань, в которую я заточила себя. *Сама выбрала наказывать себя.*

После смерти Эль у меня нет сил сопротивляться. Появление Эйдена обезоружило мой пыл и желание бороться. Мы с Моретти были уверены, что вырвались из замкнутого пространства, победили и одурачили всех. Глупые. Враг всегда был рядом, он знал о каждом нашем шаге и выжидал, когда у него появится желание дернуть сетку и поймать нас.

Призрак в лице Хеймсона никогда не оставит в покое.

Прошлое сильнее меня.

После потери вечно воодушевляющей Эльзы меня охватила неизвестная болезнь. Она терзает мою душу и во всем винит.

Из-за меня не стало Моретти.

Если бы не мой папа, подруга была бы жива.

— Мама ждет вас внизу, — уведомляет домработница, скрипя дверь.

Поднимаю злющий взгляд.

Я просто хочу, чтобы меня прекратили донимать. Не подходили, не интересовались, как я, забыли про меня, вычеркнули из жизни и отпустили. Перестали держать в кандалах в доме, ставшем для меня тюрьмой.

— Вам нужно съездить в школу и забрать документы.

— Выйди. — Срываюсь на женщину, ненавидя себя еще больше за эту выходку. Она ни в чем не виновата. Ей велели предупредить меня, она выполнила приказ – все в обители Эйдена ходят по струнке и играют отведенную роль.

Я спускаюсь на первый этаж, игнорирую всех членов семьи и направляюсь туда, куда мне велено. К маме, в машину.

Какие у меня отношения с Вел? Такие же, как с отцом. Меня мучает только один вопрос: «Как она могла допустить то, что случилось»? Его я не задаю, боюсь услышать ответ, который ломает меня. А он точно ломает, ведь маме я доверяла больше, чем папе. По моим соображениям, недопустимо поступить так, как она поступила – бездействовала,

когда я нуждалась в помощи.

Дорогу до школы мы проводим в тишине. Мой мир перевернулся, на моих глазах убили подругу, а мама ведет себя, как ни в чем не бывало, рассматривая в электронном формате журнал с последними модными коллекциями. Я проглатываю каждый ком со слезами, рвущийся наружу от несправедливости.

Почему Вел так бесчувственна по отношению ко мне?

Я смотрю на маму, сидящую рядом. У нее ноль эмоций на меня.

Она ни разу не поговорила со мной за ту неделю, что я нахожусь здесь. Не спросила, как у меня дела, что я чувствую. Может, она обижается на меня за побег? Но не будем забывать, кто упек меня в клинику Швеции.

Если Вел считает меня плохой дочерью, пусть так и думает. Я не стану оправдываться за мечту о свободе.

Подключаю проводные (беспроводные терпеть не могу, у меня от них уши болят) наушники к телефону и включаю первую попавшуюся песню.

«Darkness in Me» Fight The Fade.

Я не могу позволить себе зайти так далеко, Туда, где весь мой мир рушится. Мне нужно спасти свою душу, Это единственное, что у меня есть.

— Думай о поступлении в колледж. — Первые мамины слова с момента моего возвращения звучат в воздухе, словно приговор.

Конечно! Это то, о чем я должна думать на фоне разворачивающейся трагедии. О поступлении в колледж. Вел самой не смешно? Она не задумывается, насколько комично ее поведение в виду сложившейся ситуации?

Я улыбаюсь ей счастливой улыбкой. *Так должны вести себя девочки, окончившие школу?* Натягиваю уголки губ до боли в мышцах. Если не изображу радость от момента, Вел с Эйденем быстро сообразят мне поход к нашему семейному психотерапевту – тот начнет копать, искать причинно-следственные связи и в финале направит меня к психиатру, так как мой случай требует более серьезного обследования, мои травмы не поддадутся методам лечения врача, а значит работа со мной не в его компетенции.

Скрежет каблуков по паркету вызывает во мне раздражение. Я сдерживаю реакцию, сжимая кулаки под толстовкой. Не время выставлять себя истеричкой.

— Переговорю с директором и вернусь. — Коротко. Четко. Узнаю диктаторские повадки отца.

Мама не была такой. Куда подевалась ее мягкость? Нежность – Вел дарила нам ее нечасто, но задатки были, и периодически она проявляла это чувство. Мама перестала одеваться женственно, ушли платья – на смену им пришли деловые костюмы. Наступил июнь, а она не выходит из строгих нарядов. Вел не была такой раньше.

Что ее надломило?

Пока я обдумываю мамины изменения, глаза невольно на-

ходят информационный стенд. Среди всех школьных новостей выделяется одна, на большой ярко-синей бумаге крупными буквами: «Праздник для двух выпусков». Указаны прошлый год – выпуск Алекса, руководство отменило его из-за автокатастрофы нескольких учеников (я прочитала об этом на днях, пока родителей не было дома), и этот год – год моего выпуска. Мероприятие планируется на завтра. Странно, папа с мамой ничего не говорили мне о выпускном. В очередной раз решили утаить?

За дверь доносится шорох. Я пробегаюсь глазами по тексту, запоминая необходимое. С точностью в сто процентов из ста завтра будет вечеринка. Сверстники не упустят возможность что-то отметить. Праздник в стенах школы меня не интересует, за его пределами – да. Надо связаться с Гост и разузнать подробности, уверена, она в курсе. По крайней мере, в том году Джес еще была главная по мероприятиям.

Мама молча выходит из кабинета, оглядывая стены элитной школы, со вздохом направляется к выходу. Они с отцом щедро финансировали Рутгерс, не жалели никаких средств, ведь здесь учились их дочери (им нужно было поддерживать свою статусность – у них отлично получалось, на мои оплошности в учебе преподаватели всегда закрывали глаза, рисуя высший балл). Может, мой диплом с отличием, что Вел держит в руках, вовсе не моя заслуга. И плевать!

— Поздравляю с выпуском! У тебя есть несколько дней, чтобы выбрать колледж. — Мама передает документ об

окончании школы с сухим холодом в глазах, от которого мурашки по коже.

До автомобиля доходим молча. Вел велит водителю отвезти нас домой. Я не думала, что она проронит еще хоть слово, считала сказанное сегодня в моем присутствии – ее лимит, однако мама продолжает общение.

— Прошедший год ты провела не в клинике, а училась, как подобает девушке твоего возраста. — От высокопарных фраз тошно. — Филип и Аника, — друзья родителей из Швеции, — позаботились о твоём образовании. Для окружающих ты училась по программе обмена для школьников в другой стране. Твои друзья и одноклассники в курсе. Придерживайся этой версии, чтобы у нас с отцом не возникало проблем. Мы дорого заплатили за эту аферу. — Узнаю отцовские повадки. Вел никогда не говорила о деньгах, никогда не считала их и не акцентировала внимание на то, во сколько ей обходятся собственные дети. Эйден настропалил маму? — И еще поплатимся, если ты нас выдашь.

Во мне кипит злость. Между нами никогда не будет тех отношений, что были раньше. Наблюдая за поведением мамы, я готовлюсь к худшему, выглядывающему из-за угла.

— Не выдам!

Я не трепло. Мне нет выгоды портить связь (пусть она и никудышная) с родителями.

Мы доезжаем до дома в тишине. После чего каждая уходит в свою комнату, не удостоив друг друга даже взглядом.

Лед крепче, чем я думала.

Несколько часов в одиночестве не успокаивают меня. *В сознании только Эль.*

Я сижу на краю кровати и вспоминаю каждый момент, пережитый с подругой. Она – одновременно лучшее и худшее, что случилось со мной. Лучшее, потому что я была рада пройти все моменты вместе. Худшее, потому что в конечном итоге я осталась без нее и застала ее смерть.

В голове постоянно крутится Эльза. Ее искореженное от боли лицо за секунды до смерти. Скрученная поза, в которой она прощалась с жизнью.

Я выдыхаю воздух, осточертел мне и он.

Мы через столько прошли за короткий период знакомства, так сблизились. Моретти знала обо всех моих секретах, я знала о ее.

Наши счастливые моменты часто заставляют меня улыбаться и не унывать из-за возвращения в Нью-Йорк. Уход Эль – мое напоминание, что у меня есть *сейчас*, а у нее его нет и больше никогда не будет.

Одна сигарета на двоих. Одна постель на двоих. Мы все делили поровну. Сдружились так, что ничего не смогло бы разлучить нас, кроме смерти – она вмешалась в наши жизни и разрушила обеих – кого-то испепелила физически, кого-то убила морально.

Эль была не такая, как все. Исключительная.

За пару часов до убийства Эльзы

— А-а-а-а-а! — Раздается сумасшедший радостный крик Моретти.

Не успели мы переступить порог аэропорта, как подружка находит глазами заманчивую вывеску «Кофе. Сладости».

— Пойдем туда!

Я не удивлена, что первым же делом Эль потащит меня за кофе.

— У нас же нет денег?! — Энзо оплатил нам только билеты до Парижа. От нашей налички ничего не осталось.

— Очевидно! — Моретти театрально-красиво закатывает глаза, словно училась этому где-то. — А зачем они нам? У нас влияние покруче, чем деньги. Оружие помощнее, чем бумажки!

— И что же?

— Обаяние! Женское обаяние, Алика! Не тупи!

Понятие не имею, о чем говорит Эльза. Вероятно, бредит от счастья!

— За мной!

Моретти была той еще дурехой, в самом положительном ключе.

Я тихо плачу, дико скучая по ней. Боль от потери девушки невыносимая.

Обстановка ухудшается, когда на пороге появляется отец. Я бегло вытираю слезы, чтобы Эйден не заметил их, и стискиваю зубы, морально готовясь выслушивать бред и не давать отпор – он бесполезен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.